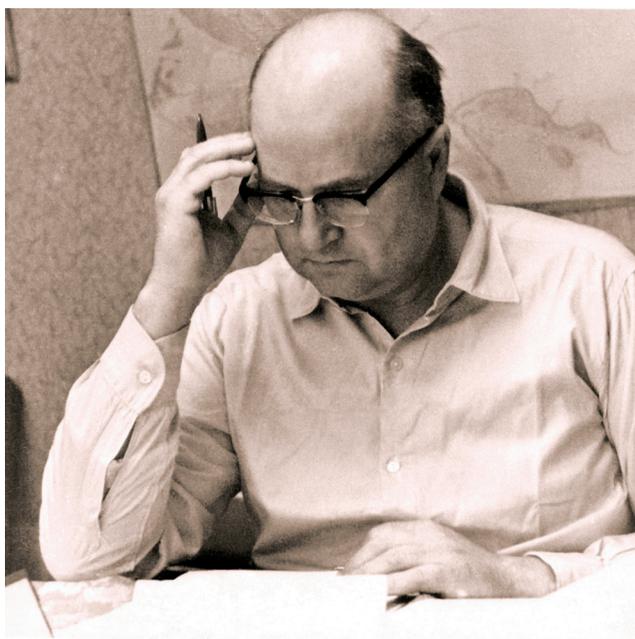

В первом выпуске журнала в 1997 году опубликовано интервью Евгения Николаевича Мешалкина «Лидер отвечает за все». Воспроизводим интервью в первоначальной редакции.

Лидер отвечает за все

Евгений Николаевич Мешалкин
[Музей ФГБУ «НМИЦ им. ак. Е.Н. Мешалкина»
Минздрава России]

Возможно, не все знают официальное название этого НИИ, обычно его именуют просто институт Мешалкина — тем самым отдавая дань уважения его организатору, замечательному хирургу-кардиологу, лауреату Ленинской премии, Герою Социалистического Труда академику Е.Н. Мешалкину. Хотя рабочий день Евгения Николаевича расписан по минутам, он согласился ответить на несколько вопросов.

— Евгений Николаевич, вся Ваша жизнь посвящена медицине. Но, как нам известно, трудовую деятельность Вы начинали на московском заводе «Серп и молот». Расскажите, как складывалась Ваша трудовая биография, как раскрывалось призвание?

— Даже не на заводе «Серп и молот», а еще раньше началась моя трудовая жизнь. Закончив семилетку, я решил сам зарабатывать на жизнь. Два месяца трудился в Геологоразведке, бурил землю. В то время мечтал стать инженером. Мой отец работал инженером на железной дороге, и я с детства «дружил» с техникой. Особенно манили огромные, дышащие паром паровозы. Образование, необходимое для поступления в вуз, можно было получить в ФЗУ. На бирже труда, учитывая мой высокий рост и крепкое сложение, меня отправили в фабрично-заводское училище при заводе «Серп и молот». Там я получил специальность механика-наладчика прокатных станков. Профессия та мне очень нравилась, и только случайность (завод «Азовсталь», на который меня направили, не был еще построен), заставила искать иные пути приложения своих знаний. Я побывал на многих новостройках того времени, работал конструктором, технологом, выполнял обязанности инженера. В 1934 году вернулся в Москву, закончил рабфак и собрался поступить в технический вуз. Но однажды пришел к брату, студенту мединститута, и случайно попал на лекцию члена-корреспондента АН Б.И. Лаврентьева. Тогда наступило прозрение: я понял, что медицина — это мир удивительных знаний, о которых мы, школьники того времени, не имели никакого представления. По-видимому, тогда мое призвание и открылось, потому что дальше колебаний не было. Я обрел профессию, которая полностью поглотила меня. В ней вся моя жизнь.

— Пригодились ли Вам знания и технические навыки, полученные в ФЗУ?

— Да, конечно. Когда я учился в клинике А.Н. Бакулева, то провел там ряд технических реорганизаций, внедрил методы, которые прежде в Советском Союзе

Е.Н. Мешалкин, В.Н. Обухов, О.С. Антонов, В.Н. Имарионов, Г.Г. Часовских. Обсуждение клинического случая [Музей ФГБУ «НМИЦ им. ак. Е.Н. Мешалкина» Минздрава России]

не применялись. Например, когда разрабатывались методы прямого зондирования сердца, — требовалось освоить сложную электронную аппаратуру, регистрировавшую давление. Благодаря технической подготовке, для меня это оказалось очень просто. И сейчас мне нередко приходится заниматься изобретательством, имею 30 авторских свидетельств.

— Когда началась Великая Отечественная война, Вы учились на последнем курсе медицинского института. Ваше становление как врача прошло на полях сражений. Среди Ваших наград есть и боевые: ордена Красной Звезды и Отечественной войны II степени, медаль «За отвагу». Расскажите, пожалуйста, об этом времени.

— Воевать я начал младшим врачом полка в кавалерийском соединении. Участвовал в битвах за Москву, Сталинград. Во время боев на Курской дуге работал хирургом в медсанбате. Там было очень много раненых. Двум хирургам, бывало, приходилось обрабатывать до тысячи раненых в неделю. А под городом Нежиным пришлось почти без сна работать 8 суток. Я даже засы-

пал стоя. После меня назначили начальником общехирургической группы усиления, которая всегда была там, где много раненых. В ней я провоевал до конца войны. Участвовал в освобождении Польши, Германии. Войну закончил в Праге. В клинику А.Н. Бакулева вернулся только в 1946 году.

— Вы долгое время работали вместе с А.Н. Бакулевым, президентом АМН СССР, являетесь его учеником. Какую роль сыграл этот ученый в Вашей жизни?

— Я пришел в клинику, когда началась разработка операций на легких. Мои первые научные исследования под руководством Александра Николаевича касались проблем наркоза. На мою долю выпало внедрить в клиниках Советского Союза методы современного интубационного наркоза, с 1947 года операции на грудной клетке перестали представлять серьезную опасность.

Когда в 1948 году Александр Николаевич приступил к операциям на сердце с врожденным пороком, выяснилось: нужны новые методы диагностики. Я разработал методику прямого проникновения в полость сердца, так называемое зондирование; этому была

посвящена моя докторская диссертация. Александру Николаевичу я обязан своей любовью к хирургии, навыками научной работы, самым серьезным отношением к больному.

— Расскажите, пожалуйста, о создании Института патологии кровообращения, об основных направлениях его работы.

— В 1957 году я получил предложение участвовать в создании института для Сибирского отделения Академии наук СССР. Надо сказать, положение советских хирургов-кардиологов исключительно. На Западе хирург только оперирует. Мы же занимаемся диагностикой, оперируем, ведем больных. Это, на мой взгляд, более правильно, требует от хирурга углубленных знаний. Работы института выявляют закономерности гемодинамики и газообмена человека. Это те фундаментальные исследования, на которые опирается вся теория сердечно-сосудистых заболеваний. Теперь мы совершенно точно представляем, какие изменения будут внесены в работу сердца и кровообращения в результате операции.

Второе направление исследований касается разработки рациональных принципов хирургического вмешательства. Мы разрабатываем способы защиты организма в тот момент, когда сердце оказывается выключенным из системы кровообращения. В Институте разработана гипотермическая защита сердца — с помощью охлаждения позволяющая «выключить» сердце на 60–70 минут.

— Ведет ли Институт работу по пересадке сердца?

— Представьте такую ситуацию. Ваш брат попал в автокатастрофу. В больнице вам говорят: «Спасти его нет никакой возможности. Пока он жив, вы должны оплачивать медицинские расходы (сумма немаленькая). Но есть другой вариант. С вашего разрешения мы берем живое сердце вашего брата. И платим». Именно так обстоит дело в капиталистических странах.

Посмотрим на это дело с другой стороны. Сейчас в мире живет 400 человек с «чужим» сердцем. Это очень мало, если учесть, сколько кардиологических больных на свете! Перспективу я вижу не в пересадке сердца, а

в замене больного сердца искусственным. Это продлит жизнь миллионам, а не единицам. Такие исследования в Институте ведутся.

— В любом коллективе есть лидеры и ведомые. Как Вы расцениваете значимость тех и других дел для науки? К какой категории относитесь Вы?

— Ведомым быть легче — на нем меньше ответственности. Лидер отвечает за все. Надо помнить, что лидерство — это постоянное пребывание в стрессовой ситуации. Человек, возглавивший какое-либо направление в науке, находится в точке, где сталкиваются противоположные мнения. Лидер непременно генерирует идеи. Все это требует огромного расхода эмоциональной энергии, часто ущерб здоровью. Так называемые исполнители, воплощатели идей тоже нужны в науке. Мне приходилось быть и в том и в другом качестве. Я не стремился, но жизнь меня поставила лидером. Наш коллектив находит, что я могу его возглавлять. Пока он так считает, я — лидер. Наверно, придет время, когда коллектив решит, что ему нужен другой руководитель, который сможет генерировать идеи лучше меня.

— Ваш Институт растет, приходят новые сотрудники. Расскажите, как Вы работаете с молодыми учеными?

— Прежде всего мы требуем, чтобы молодой человек пришел к нам по призванию. Трудиться, а не писать диссертацию. Сначала он приобретает навыки практической работы: постановка диагноза, потом проведение операций. Когда молодой врач действительно становится специалистом, мы поручаем ему научную тему.

— Перед многими читателями стоит проблема выбора жизненного пути. Что бы Вы могли им посоветовать?

— Я думаю, что на выбор молодых людей сплошь и рядом накладывает отпечаток незнание будущей профессии. Надо стараться побольше узнавать о тех направлениях деятельности, которые кажутся интересными.